

Вестник Европы

1866 том 1

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
В38

В38 Вестник Европы: 1866 том 1 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 652 с.

ISBN 978-5-517-91895-6

Русский литературно-политический ежемесячник умеренно либеральной ориентации, выпускавшийся с 1866 по 1918 год в Санкт-Петербурге (продолжал традицию одноимённого журнала, основанного в 1802 году Н. М. Карамзиным). До 1868 года выходил ежеквартально, с 1869 года — ежемесячно. Редактор-издатель М. М. Стасюлевич (с 1866 по 1908 год). В журнале преимущественное внимание уделялось истории и политике. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1866 года

ISBN 978-5-517-91895-6

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Второй отдѣлъ посвящается исключительно наблюденію за тѣмъ, какъ разрабатываются въ настоящее время лучшими умами важнѣйшіе вопросы историко-политическихъ наукъ, и какъ относятся историческая критика и историческое искусство къ совершившемуся.

Третій отдѣлъ служить только дополненіемъ второго, обозрѣвая общий ходъ исторической литературы, и указывая вкратцѣ на важнѣйшіе изъ ея произведеній, съ тѣмъ чтобы въ слѣдующихъ книжкахъ представить о нихъ обстоятельный отчетъ во второмъ отдѣлѣ.

При томъ вліяніи, которое оказывается на будущіе успѣхи историческихъ наукъ ихъ педагогическая литература и устное преподаваніе, „Вѣстникъ Европы“ удѣлять и этому предмету особый, а именно, четвертый отдѣлъ; туда войдутъ разборы новѣйшихъ произведеній педагогического характера, извѣстія о состояніи исторической каѳедры у насъ и за границею и т. п.

Пятый и послѣдній отдѣлъ посвящается исключительно описанію тѣхъ событий современной исторіи, въ которыхъ главнымъ образомъ выразился духъ нашего времени; современная историческая жизнь представляетъ много случаевъ для научныхъ наблюденій надъ живыми общественными организмами, и служить выѣстъ съ тѣмъ средствомъ для проверки тѣхъ общепрѣсторическихъ законовъ, которые выводятся изъ опыта надъ отжившими обществами и народами.

Отношеніе нашего журнала къ духу современной намъ образованности опредѣляется легко само собою ея господствующимъ нынѣ направлениемъ. Мы являемся предъ публикою, оставляя позади себя мало выгодное время вообще для всѣхъ гуманитарныхъ наукъ: естествознаніе, какъ вслѣдствіе внутренняго достоинства资料 of своего точнаго и наблюдательнаго метода, такъ и вслѣдствіе крайней слабости у насъ гуманитарного образования, заняло первое мѣсто въ ходѣ нашего умственнаго просвѣщенія. Никто болѣе насъ не радовался бы этому, отдавая всю справедливость просвѣтительному значенію естествознанія, если бы мы не сознавали выѣстъ съ тѣмъ, что у насъ въ той же мѣрѣ ослабло изученіе явлений нашего духа, каковы философія, филология, исторія; между тѣмъ такое изученіе должно было бы сдѣлаться еще болѣе настоательнымъ, именно вслѣдствіе успѣха естественныхъ наукъ. Послѣднія могутъ оставаться бездѣлническими, если, продолжая постоянно стремиться изъ себя, во вѣтшій міръ, не никогда не захотѣть вернуться отъ вѣтшіей природы къ самимъ себѣ, съ тѣмъ чтобы сдѣлать новый шагъ въ самопознаніи и подвести

общие итоги своихъ опытныхъ свѣдѣній. Въ этомъ отношеніи, историческая наука способна оказать намъ большую услугу.

Мы не подраздѣляемъ въ своемъ журнальѣ каждого отдѣла на рубрики, по предметамъ отечественной и всеобщей исторіи, уже и потому, что у насъ всеобщая исторія займетъ главнымъ образомъ мѣсто на столько, на сколько она, такъ сказать, является сама второю отечественною исторіею, или, какъ выразился Жанъ-Батистъ Вико, говоря, что всеобщая исторія называется *всегообщей* потому, что она предполагаетъ во всѣхъ народахъ *общую* человѣческую природу. Нѣть такого великаго народа, который не считалъ бы человѣчества своею второю родиною; и чѣмъ выше предназначение какого-нибудь общества, тѣмъ родство его съ человѣчествомъ ближе и живѣе. Никто не имѣть притязанія считать, напримѣръ, христіанства явленіемъ, принадлежащимъ исключительно какому-нибудь одному изъ-великихъ современныхъ народовъ; то, что называется классической стороны въ настоящей европейской образованности также не есть исключительная принадлежность какой-нибудь новѣйшей европейской национальности; феодализмъ, монархія, парламентаризмъ, цезаризмъ и многія другія явленія государственной жизни вытекаютъ скорѣе изъ общей природы всѣхъ народамъ, нежели изъ духа римскихъ учрежденій и древней германской образованности, ибо вліянію тѣхъ идей подчиняются не однѣ германскія и романскія, но и вообще всѣ народности. Выходя изъ такой точки зрѣнія, мы не отдѣляемъ у себя искусственно вопросъ отечественной исторіи, въ собственномъ смыслѣ этого слова, и вопросъ всеобщей исторіи, но въ послѣднихъ, какъ мы сказали выше, обратимъ преимущественное вниманіе на тѣ ея стороны, которые дѣлаютъ всеобщую исторію родною всѣмъ образованнымъ народамъ, а слѣдовательно и намъ. Наконецъ, научные пріемы, разработка материаловъ, ихъ художественное воспроизведеніе, еслибы и носили на себѣ извѣстные слѣды национального характера, тѣмъ не менѣе они должны быть общіи и для отечественной, и для всеобщей исторіи. А мы не можемъ не сознаться, что историческая наука сдѣлала во всѣхъ отношеніяхъ болѣе успѣха на западѣ, нежели у насъ; а потому знакомство съ историческими произведеніями западныхъ писателей необходимо для успѣховъ и отечественной исторіи. Имѣя въ виду это послѣднее обстоятельство, мы будемъ стараться вводить въ нашу литературу не только результаты новѣйшихъ трудовъ западныхъ ученыхъ, какъ то мы обѣщали выше, но обратимся иногда и къ прежнимъ

произведениемъ, которые послужили основаниемъ новыхъ историческихъ школъ, и которыхъ известность у насъ иногда ограничивается однимъ частнымъ обращениемъ въ обществъ именъ ихъ основателей, хотя подробное и обстоятельное знакомство съ самими содержаниемъ и научными премиями этихъ школъ далеко не соответствуетъ громкой известности именъ ихъ основателей.

Если русская история и вообще история славянъ будуть у насъ отданы отъ всеобщей, то только въ силу закона о раздѣлѣніи труда. Всѣмъ тѣмъ, что относится къ истории Россіи и истории славянъ вообще, будуть завѣдывать нашъ постоянный сотрудникъ-учредитель, *Н. И. Костомаровъ*, при главномъ содѣйствіи котораго мы возобновляемъ нашъ „Вѣстникъ Европы“.

Причины, побудившія Редакцію ограничиться четырьмя книгами въ годъ, понятны сами собою: и новость дѣла, и самъ его характеръ, требуютъ возможно болѣе продолжительныхъ сроковъ приготовленія. Но Редакція желая имѣть время своимъ союзникомъ, разсчитываетъ еще болѣе на то, что наши ученые дѣятели, по отдѣлу историко-политическихъ наукъ, не оставятъ ся безъ своего содѣйствія, и своими трудами помогутъ придать новому журналу то научное значеніе, котораго оно желалъ бы достигнуть, оставаясь вѣрнымъ выставленной имъ программѣ и вышеизложенному уѣжденію.

С.-Петербургъ. — Декабря 1 дня, 1865 года.

Если еще мы не можемъ сказать, чтобы нашъ первый шагъ, который мы переходимъ теперь отъ плановъ къ ихъ выполненію, былъ вполнѣ осуществленіемъ той программы, которую мы объявили три мѣсяца тому назадъ, приступая къ новому дѣлу, то во всякомъ случаѣ мы по-заботились о томъ, чтобы направить этотъ шагъ такъ, чтобы оно могъ вести насъ къ дальнѣйшему усовершенствованію. Каждый легко замѣтить, что въ составѣ первого тома преобладаютъ вопросы отечественной истории, и, безъ сомнѣнія, никто не будетъ сѣтовать на то. Въ этомъ случаѣ, выборомъ редакціи управляло преобладающе направление нашихъ ученыхъ специалистовъ, устремленное къ изученію своихъ дѣлъ и вызванное въ свою очередь общественною потребностью. Неудивительно, что все это отразилось и на содержаніи нашего первого тома.

При нашемъ обращеніи къ новѣйшимъ дѣятелямъ въ области историко-политическихъ наукъ, мы имѣли случай замѣтить не одно преимущественное направление къ вопросамъ отечественной исторіи, но и обилие трудовъ, которые свидѣтельствовали вѣйстѣ и о необходимости у насъ специального органа, и объ огромномъ различіи во времени, которое нами прожито отъ эпохи первого основанія „Вѣстника Европы“. 16 ноября 1801 года, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось первое объявление объ изданіи „Вѣстника Европы.“ Вотъ, какъ писалъ о томъ Н. М. Карамзинъ: „Съ будущаго января 1802 года, намѣрѣнъ я издавать журналъ подъ именемъ „Вѣстника Европы,“ который будетъ извлечениемъ изъ двѣнадцати лучшихъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ журналовъ.“ Редакторъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, не могъ и думать безъ перевода съ иностраннѣыхъ языковъ найти достаточно самостоятельнаго материала у себя; мы, наоборотъ, отказались совершенно отъ переводной литературы, и тѣмъ не менѣе обширность оригинальныхъ трудовъ и ихъ многочисленность была такова, что мы нашли себя вынужденными сократить значительно хроники выходящаго нынѣ первого тома.

II.

ПИСЬМО ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПЛЕТНЕВА ВЪ РЕДАКЦІЮ*).

„Прочь авторитеты!“ повторялъ нѣсколько разъ въ статьяхъ своихъ одинъ писатель, принимавшійся, подобно вамъ, за изданіе нового журнала. Авторитетъ представлялся ему въ видѣ обиднаго для всѣхъ курира, поставленнаго на подножіе, съ котораго пришло время сбрасывать его.

* Наканунѣ телеграммы, прінесшей извѣстіе о кончию Петра Александровича, посланной въ Парижъ 29 декабря истекшаго года, было получено отъ него это письмо въ Редакцію журнала, при слѣдующей пріпискѣ:

23 дек. 1865. Парижъ. Rue Marbeuf, 73. Вотъ вамъ, любезный другъ М. М., объявление. Посылаю его, я только очищаю совѣсть. Вы должны погрѣсть моей искренности, если я скажу, что совсѣмъ не желаю видѣть эти строки въ печати, если вы, или Николай Ивановичъ (Костомаровъ), почувствуете, что онѣ, кромѣ скуки, ничего не внесутъ въ журналъ..... По моему почерку вы конечно догадываетесь, что мое здоровье не въ цѣлѣстѣ состояніи. На бѣду, одинъ мой глазъ, и прежде слабый, теперь ослабѣлъ еще болѣе. Полагаю, что всѣ эти недуги пришли ко мнѣ отъ этихъ коротенькихъ дней, въ концѣ декабря и въ началѣ января, мучавшихъ все живое, особенно же нездоровыхъ. Я говорилъ П. о вашемъ желаніи. Онъ готовъ участвовать. Если вы еще не писали, то напишите ему.

«Прому вѣсъ побывать у Катерина Николаевны Мещерской (урожденная Карамзина) и поблагодарить ее отъ меня за память и участіе.

«Участіе А. Т. въ Вѣстникѣ Европы было бы очень естѣстѣ. Онъ талантливый писатель.

«Жду книгу» и т. д.

На слѣдующій день, 24 декабря утромъ его постигъ ударъ, и 29 декабря не стало одного изъ послѣдніхъ свидѣтелей литературной эпохи Карамзина, Жуковскаго, Пуш-

Вы думаете иначе. Въ объявленіи о своемъ „Вѣстнике Европы“, вы сказали: „Прежде всего, мы желали самыиъ выборомъ такого названія почтить память нашего достойнѣйшаго отечественаго историка въ тотъ годъ, когда время открытия нового исторического журнала совпадеть съ первымъ столѣтнімъ юбилеемъ рождения Каравацца.“ Такое воспоминаніе достойно его..... Мне даже показалось, что и самое число выпусковъ, ежегодно вами назначаемыхъ, указываетъ на другой авторитетъ, который вы мысленно почитили: такъ являются трехмѣсячныи обозрѣнія тѣхъ свѣтлыхъ и высшихъ британскихъ умовъ, которыхъ послѣдователемъ былъ и Пушкинъ при основаніи своего „Современника“.

Итакъ, не всѣ и не всегда смотрѣли враждебно на авторитеты, которыхъ отличительный характеръ состоить именно въ томъ, что они, не измѣнія внутренняго своего достоинства, оставляютъ каждому свободный путь труда. Не ихъ вина, если писатель иногда рабски тяготится въ каждой чертѣ по чужимъ слѣдамъ, не чувствуя, что онъ не только не возсоздаетъ ничего творческаго, но и разрушаетъ его въ основаніи.

Авторитетъ, какого бы онъ ни былъ времени, въ отношеніи къ намъ, тоже, что природа. Она животворить нась и вдохновляетъ, не связывая нашихъ силъ и не налагая на нихъ обязанности бездушнаго повторенія.

кни, съ которыми П. А. Плетневъ находился въ самыхъ близкихъ связахъ. Мы скажемъ не многое, но много, если проводимъ его въ могилу словами: умный, честный и добрый человѣкъ! Такъ говоримъ мы теперь, и тако же слово онъ пользовался еще 40 лѣтъ тому назадъ, когда Пушкинъ, посвящая П. А. Плетневу свой романъ «Евгений Онѣгінъ» говорилъ:

Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣй тебѣ,
Достойнѣе души прекрасной,
Святой исполненной мечты;
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты!

Мы цѣнимъ, понимаемъ и вѣримъ вполнѣ въ искренность покойнаго, не желавшаго видѣть присланнаго имъ «стrophe» въ печати; но смерть едва позволила ему окончить свои мысли на бумагѣ и жестоко пощадила его скромность. Теперь и мы, не опасаясь лести, скажемъ, что не сму слѣдовало предоставить намъ право напечатать или не напечатать его письма, а намъ — благодарить его за честь, которую онъ сдѣлалъ нашему журналу. Притомъ, мы думаемъ, что, представляя нашимъ читателямъ это письмо, мы сообщаемъ историческій документъ — послѣднѣе воспоминаніе человѣка, сть именемъ котораго связана исторія воспитанія нашего Государа, знаменитая эпоха нашей литературы и наконецъ исторія нашего университета, въ которомъ мы его помнимъ какъ профессора, и какъ ректора, который умѣлъ въ теченіи 20 лѣтъ сохранять неизмѣнное довѣріе и уваженіе членовъ совѣта. Ред.

Истинное создание во всѣхъ проявленіяхъ своихъ свободно. Тѣмъ не менѣе, оно не въ противорѣчіи съ прекраснымъ, до него явившимся и всѣми сознаваемомъ, будеть ли оно въ природѣ, или въ искусствѣ. Это отношеніе внушаетъ намъ только естественное сочувствіе къ авторитету.

Карамзинъ безспорно замѣтчательнѣйший литераторъ въ лучшемъ и высшемъ значеніи этого слова. Чѣмъ ни занимался онъ въ нашей литературѣ, на всѣмъ оставилъ слѣды обновленія и совершенствованія. Его воображеніе видимо и съ полнотой успѣхомъ работало надъ каждой сто-роною избраннаго имъ предмета. Начиная съ языка, важнѣйшей принад-лежности въ литературѣ, онъ далъ образцы вкуса и заставилъ уважать высшія требованія искусства, о которыхъ до него никто и не думалъ. Но при всѣмъ томъ, эти улучшенія, эти богатства, внесенные Карамзи-нинъ въ общую сокровищницу литературы нашей, какъ и все, пережив-шее свой вѣкъ, не могутъ быть снова принимаемы для поддержанія до-стоинства и блеска современныхъ трудовъ. На этомъ же поприщѣ необ-ходимо полное обновленіе. Жизнь и мысль народа не могутъ остановить-ся. Какъ самое время, онъ безпрерывно идется впередъ. Окруженные при этомъ движеніи всѣмъ новымъ, мы прошлому отводимъ мѣсто въ исторіи, подчиняясь въ настоящемъ властительству новыхъ силъ.

По закону общаго и неизмѣннаго преемничества, языкъ обогащается болѣе точными выраженіями, болѣе пріятными оборотами и болѣе удоб-ными формами сочиненій. Въ описаніяхъ и повѣствованіяхъ являются иные краски, которыя живѣе и соотвѣтственнѣе представляемымъ пред-метамъ. Пути направленія мыслей развѣтвляются и расширяются. Ис-точники новыхъ изслѣдованій и возврѣтъ безостановочно открываются и заставляютъ перерабатывать часто вѣковыя идеи. Вотъ, сколько по-бужденій, на основаніи которыхъ вы должны были предварительно объ-явить (какъ это и исполнено вами), что въ журналѣ своеи вы не иначе напѣрены обрабатывать каждый отдельъ, какъ по требованіямъ нынѣ го-сподствующаго направленія. Этими вы поставили себя въ всякой зави-симости отъ Карамзина.

Между тѣмъ, въ этомъ же авторитетѣ еще сколько остается скро-вищъ, которыхъ благотворнаго вліянія надоѣло пожелать всякому. Ка-рамзинъ любилъ неизмѣнно и съ преданностью свое поприще мысли, на-уки и вкуса. На немъ онъ трудился не урывками, не для отдохновенія и не по суетному внушенію честолюбивыхъ видовъ. Онъ вполнѣ сознавъ, что это его призваніе на всю жизнь. Скромно посвятивъ всего себя столь

благородному занятию, онь въ немъ нашелъ всю прелестъ жизни, удовлетвореніе лучшимъ потребностямъ души, оправданіе въ исполненіи обязанностей гражданина и отрадную мысль о сочувствіи къ нему мыслящихъ людей.

Поразительнѣе всего неутомимость, настойчивость и добросовѣтность его въ составленіи „Исторіи Россійскаго государства“. Труды предшественниковъ его не представляли ему пособій ни въ какомъ отношеніи. Въ нашей литературѣ не только не было передъ нимъ ни одного образца, но и самые необходимые источники не были приведены въ порядокъ и оставались по большей части въ неизвѣстности. Сколько труда и терпѣнія требовала одна тяжелая предварительная работа. И что же мы увидѣли? Какіе только можно было, въ тогдашнее время, отыскать материалы, привести ихъ въ порядокъ и извлечь изъ нихъ все существенное, все необходимое, они явились пропрѣренными, стройными и привлекательными въ его созданіи. Карамзинъ провелъ цѣлые годы посреди хаоса, чтобы выработать изъ него артистическое цѣлое. Теперь намъ легко выходить за нимъ на ту же работу, обозрѣвать воздѣланное поле, измѣрять, расширять, или уменьшать его части по усмотрѣнію, отыскивать другія точки для новыхъ возврѣній, словомъ: свободно и безогрѣчуно пользоваться неисчислимими сокровищами, въ наслѣдство намъ перешедшими отъ Карамзина.

Когда, такимъ образомъ, сообщено было литературѣ полное и правильное движеніе, Карамзинъ, еще при жизни своей, былъ награжденъ новыми успѣхами вкуса и мысли, развившими въ его же сферѣ. Одна послѣ другой, двѣ новыя школы не могли оставаться незамѣченными. Ихъ основатели, какъ ни тѣсно соединены были съ Карамзиномъ, но талантъ каждого выбралъ себѣ независимую дорогу. Они подчинили себя учителю только въ стремлѣніи къ совершенствованію искусства и въ расширеніи области его. Извѣстно, что Жуковскій первые опыты свои обрабатывалъ передъ глазами основателя „Вѣстника Европы“. Въ это же время мы начинаемъ чувствовать, что слогъ ученика представляетъ болѣе силы и выразительности, что картины его ярче и полнѣе, что въ основаніе произведений его положенъ религіозный элементъ, согрѣтый истиннымъ и глубокимъ чувствомъ. За нимъ является Пушкинъ, самобытный и совершилъ юный художникъ. Онъ тѣмъ не менѣе самъ торжественно называлъ себя ученикомъ Карамзина и Жуковскаго. Съ появленія произведеній его всѣ почувствовали, какое могущество представляетъ языкъ,

сколько богатствъ хранить въ себѣ мысль, и какое духовное наслажденіе затаено въ проявленіи творчества.

Какъ ни разнообразны были эти писатели во всѣхъ отношеніяхъ къ литературѣ, ни одинъ никакъ изъ нихъ не отдѣлился отъ другого, увлекаемый какимъ нибудь эгоистическимъ чувствомъ. Имъ казалось совершенно естественнымъ и даже какъ бы закономъ справедливости честовать авторитетъ. Они сознавали въ душѣ, что область искусства безгранична, что въ ней каждый родъ совершенства и красоты найдетъ принадлежащее ему мѣсто, и что всѣ они къ одной идутъ цѣли.

Благодушіе Карамзина и его сочувствіе ко всякому честному труду ума и вкуса распространялись не на однихъ близкихъ къ нему людей. Онъ готовъ былъ дѣлиться опытностью своею и теплымъ участіемъ въ общемъ дѣлѣ образованія съ каждымъ лицомъ, которое бы пожелало слышать его мнѣніе о своихъ убѣжденіяхъ. По этому, постепенно, все шире и шире становился кругъ желавшихъ войти съ нимъ въ непосредственные отношенія. Домъ его наконецъ составлялъ какъ бы опредѣленное мѣсто, гдѣ назидательный разговоръ и свободный обмѣнъ даже противоположныхъ мыслей воспитывали и укрѣпляли лучшія стремленія на пользу общества. Это былъ центръ, откуда являлись уже выработанными основными идеи того времени.

Мы, въ наше время, ничего подобнаго не видимъ, по крайней мѣрѣ въ литературѣ. Вамъ оставляю рѣшить, къ лучшему это, или напротивъ.

П. ПЛЕТИЕВЪ.

23 декабря, 1865.
4 января, 1866. Парижъ.

III.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

въ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

до 1890 года.

„Вѣстникъ Европы“, при самомъ началѣ своего существованія, предназначался быть органомъ литературно-политическимъ, и въ литературномъ отдѣлѣ преимущественно переводнымъ. „Литература и политика, говорилъ Карамзинъ, составлять двѣ главныя части его. Первая часть украсится всѣми цвѣтами новыхъ произведеній ума и чувства въ Европѣ.“ Но при всемъ томъ „Вѣстникъ Европы“ съ теченіемъ времени началъ мало по малу становиться столько же научно-историческимъ органомъ, сколько литературнымъ и политическимъ, а въ послѣдніе годы своего существованія онъ занималъ въ исторіи русской литературы видное място особенно какъ журналъ исторический; болѣе чѣмъ какой другой литературный органъ, онъ двигалъ въ Россіи любовь къ занятіямъ отечественною исторіею, сдѣлался приютомъ лучшихъ нашихъ научно-историческихъ дѣятелей. Недаромъ Карамзинъ былъ личностю, положившою ему основаніе. Уже Карамзинъ самъ благословилъ его на будущее значение помѣщеніемъ въ немъ нѣсколькихъ собственныхъ историческихъ произведеній. Таковы были: „Путешествіе вокругъ Москвы“ (ч. VII, № 4), гдѣ описываются окрестности столицы по историческимъ воспоминаніямъ; „О московскомъ мятежѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ“ (ч. XI, № 8); „Свиданіе Софіи Шарлотты прусской королевы съ Петромъ Великимъ“ (ч. X, № 14); „О тайной канцеляріи“ (ч. VIII, № 6); „Русская старина“ (ч. XI, №№ 12, 20, 21), гдѣ приводятся